приношения у евреев прекратились со времен разрушения иерусалимского храма (70 г. н. э.), где единственно они и совершались. Как раз и Иосиф Волоцкий, споря с еретиками, говорит, что по Моисееву закону полагается служить только в одном месте, в Иерусалиме: «Моисей повеле в единем месте служыти».[116]

И Григорий Палама, споря с «хионами», тоже говорит о жертвах и храме со ссылкой на Моисеев закон, хотя и на другое его установление (так что в данном случае заимствования Иосифом Волоцким из «Беседования» не было): «Но и празднование субботы было дано от бога, и еврейская пасха, и жертвы, совершаемые только священниками, и необходимость быть внутри храма жертвеннику и завесе...»

Разгадка состоит, мне кажется, в особенностях караимских обыкновений. Дело в том, что у караимов практиковались торжественные, обставленные как религиозный обряд заклания животных, с отделением тех самых частей от туши, которые указаны применительно к жертвенным животным в Пятикнижии Моисея (Левит, гл. 3, ст. 9—10) и которые в храмовые времена сжигались на жертвеннике. Этой тщательно, до мелочей разработанной процедуре и связанным с нею теоретическим вопросам («в караимской литературе посвящена им такая масса трактатов, что из них можно составить порядочную библиотеку»[117]) караимы специально обучались и получали право ее совершать лишь после специального экзамена. Эти люди не были священниками, и отсюда — напоминание Григория Паламы «хионам», что по Моисееву законодательству жертвы совершаются только священниками. Караимы и в некоторых других отношениях приписали синагоге значение иерусалимского храма,[118] однако свои синагоги строили не по плану храма. Таким образом, понятно и полемическое замечание относительно жертвенника и завесы.

Первоначальное развитие караимства в мусульманской ближневосточной среде и связи, которые русско-польско-литовские караимы поддерживали со своими единоверцами в Турции, могут служить объяснением наличию у русских жидовствующих сочинений аль-Газали и Моисея Маймонида — авторов, живших в «Вавилонии» и Египте как раз в то время (XII и XI вв.), когда там процветало караимство. Один из столпов раввинистического иудаизма, Моисей Маймонид, не был, разумеется, караимом, но благодаря Илье Башиачи, турецко-караимскому авторитету XV в., много заимствовавшему у Маймонида и утверждавшему, что тот понимал заблуждения раввинизма и правду караимства,[119] Маймонида читали и почитали в среде литовско-русских караимов XV в.

Некоторым ученым кажутся несовместимыми для одного человека сведения о Схарии, первоначальном, согласно Иосифу Волоцкому, распространителе ереси жидовствующих на Руси, а именно, что он «еврейнин», «жидовин» («Захарья евреянин», «Захарья Скарья жидовин») и в то же время «черкасин», «фрязин», «таманский князь» (всё это — в грамотах к нему Ивана III).[120] Вдобавок к этому, как показали латинские документы, по отцу, Викентию де Гвизольфи, Захария был отпрыском старой аристократической, традиционно католической генуэзской фа-

[116] Там же, стр. 128.
[117] N. N. Общие заметки о караимах, стр. 64.
[118] Православная богословская энциклопедия, т. VIII, стлб. 587.
[119] L. Nemoy. Karaite Anthology, p. 237.
[120] Историю вопроса см.: Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.—Л., 1960, стр. 129—135; см. также: G. Vernadsky. The Heresy of the Judaizers and the Policies of Ivan III of Moscow. — Speculum, VIII, 4, 1933, p. 450—452. Грамоты см. в Сборнике Русского Исторического общества, т. 41, СПб., 1884, стр. 41, 71—73, 114, 309.